

«Театр на Шатальной».
З.Н. Минаева,
М.А. Зиновьев с
семьёй Архангельских.
17 сентября 1925 года

Театр на все времена

Вглядываясь в переплетение судеб, удивляешься, как тесно история ульяновского театра связана с линиями жизни многих талантливых людей. Дмитрий Иванович Архангельский, художник, исследователь симбирской старины, страстный пропагандист искусства, живо интересовался театром и музыкой. Сегодня в статье старшего научного сотрудника отдела фондов Ленинского мемориала **Валентины Михайловны Костягиной** – несколько малоизвестных историй о семье Д.И. Архангельского, его друзьях и знакомых.

Дом для актёров

В 1924 году ульяновская газета «Пролетарский путь» в нескольких сентябрьских номерах разместила объявление: «Для приехавших артистов на зимний сезон в Большой театр (так тогда называли ульяновский драматический. – Ред.) требуются комнаты. Желающих сдать просят адреса сообщать в контору. Дирекция». Вот так в гостеприимном доме Архангельских на Шатальной улице поселились артисты З.Н. Минаева и М.А. Зиновьев.

Зинаида Николаевна Минаева (1885–1950) – русская советская актриса, заслуженная артистка РСФСР. Окончив в 1910 году музыкально-драматические курсы В.Б. Поллаха в Петербурге, играла в частных театрах. После Октябрьской революции работала в театрах Астрахани, Казани и других городов. Обладала сильным драматическим темпераментом и обаянием.

В её репертуаре были роли Ларисы в «Бесприданнице», Катерины в «Грозе» А.Н. Островского, Наталья Филипповны и Грушеньки в «Идиоте» и «Братьях Карамазовых» по Ф.М. Достоевскому.

Галина Дмитриевна Невзорова, старшая дочь Д.И. Архангельского, вспоминала, что Зинаида Минаева играла на сцене нашего города в театральные сезоны 1924–1927 годов: «Всеобщая наша любимица, очень одарённая артистка и совершенно необыкновенно привлекательная женщина – обаятельная и умная, с величайшим тактом в обращении с людьми. С ней было просто и радостно, уютно, словно с давней знакомой. Отец восхищался и преклонялся перед необыкновенной женщиной, что было вполне естественно».

25 ноября 1924 года в драматическом театре в бенефис артистки З.Н. Минаевой зрителям была показана трагедия Шиллера «Мария Стюарт». В коротких строчках, опубликованных в газете, от-

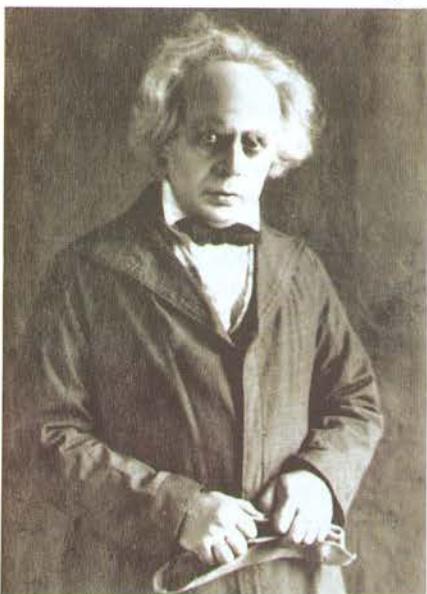

З.Н. Минаева

мечалось, что актриса «выявила всю гамму разнообразных настроений и переживаний своей героини. Сцена прощания Марии с близкими перед казнью была очень хороша. Артистку публика тепло приветствовала». 23 декабря ставилась пьеса А.Н. Островского «Последняя жертва». «Как всегда превосходна была Минаева в роли обманутой вдовы», – отмечал рецензент.

17 февраля 1925 года состоялся бенефис М.А. Зиновьева, мужа Зинаиды Николаевны. Зрителям «только один раз» представлялась «пользующаяся громадным успехом» драма в 4-х действиях «Казнь», в которой бенефициант исполнял роль Пружанова.

«Дама с камелиями» был последним спектаклем З.Н. Минаевой и её прощальным бенефисом в театральном сезоне 1924–1925 года. Газета «Пролетарский путь» в рубрике «Театр и музыка» восхищалась талантливой игрой

М.А. Зиновьев в «Дворянском гнезде»

актрисы: «З.Н. Минаева сумела дать несравненный образ «дамы с камелиями», играя с такой неподкупной задушевностью, что зрители буквально плакали, плакали больше, чем сама талантливая актриса. Очень жаль, что она, наиболее видная, несомненно даровитая актриса выходит из состава труппы и уезжает».

На память о себе Зинаида Николаевна подарила Архангельским несколько своих фотографий. На одной из них надпись: «Милым, славным людям и чутким зрителям Надежде Павловне и Дмитрию Ивановичу Архангельским на память обо мне. З. Минаева. Ульяновск. 29 декабря 1924 года». На другой фотографии: «Дорогие мои Надежда Павловна и Дмитрий Иванович! Есть русская пословица: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Я счастлива, имея друзей – вас, искренних, добрых, чутких людей, с которыми я так отдыхаю душой, забывая все мои невзгоды. Дай Бог, чтобы я опять поскорее увидела вас и почувствовала вашу теплоту и ласку. Любящая вас, З. Минаева».

Сопрано и тенор

Многолетняя дружба связывала Архангельских с солисткой Мариинского театра, позднее солисткой Государственного московского театра оперы Анной Алексеевной Коломийцевой и её мужем, артистом оперы Павлом Степановичем Сурминским. В наш город они приезжали много раз, и каждое из выступлений было большим событием.

Газета «Пролетарский путь» анонсировала: «23 июля 1928 года в 9 часов вечера в помещении городского театра состоится концерт артистки ленинградской оперы Анны Алексеевны Коломийцевой (колоратурное сопрано) с участием артиста Киевского Государственного оперного театра П.С. Сурминского (тенор). «Цена места от 25 к. до 1 р. 65 к.» А 25 июля в рубрике «Театр и музыка» корреспондент «Пролетарского пути» рассказывал: «А.А. Коломийцева и П.С. Сурминский не в первый раз в Ульяновске. Публика уже хорошо знает и ценит артистов. Зрительный зал битком набит. За это лето Ульяновск счастлив хорошими гастролёрами – концерт квартета им. Глазунова, гастролы МХАТа, приезд Кригер, Гельцер и, наконец, последний концерт – всё это далеко не заурядное явление для нашего бедного музыкальными силами города. Прекрасная колоратура Коломийцевой особенно хорошо была показана артисткой в арии Джильды («Риголетто») и арии Розины («Севиль-

ский цирюльник»). Сурминский очень хорошо передает лирику. Его «Тишина» вызвала бурные аплодисменты. Второе отделение концерта было посвящено более лёгкой, понятной среднему слушателю музыке. Сурминским были исполнены романсы «Но это только сон», «Сладким запахом сирени», «Сожжённое письмо» и др. Концерт закончился выступлением Коломийцевой, блестяще исполнившей арию королевы из оперы «Гугеноты».

Когда уходишь из театра, становится удивительным – как в сущности только двое, правда, талантливых артистов, в продолжении нескольких часов держат большой зрительный зал в напряжённом внимании. Концерт оставляет большое впечатление <...> приезд таких артистов, как Сурминский и Коломийцева, надолго останется в памяти».

25 июля с большим триумфом прошёл прощальный концерт Коломийцевой и Сурминского. Газета анонсировала совершенно новую программу и общедоступные цены. «Исполнение Коломийцевой арии Виолетты («Травиата») и «Колокольчики» («Лакме») поистине изумительное. Артистка доходит до виртуозности <...> Прекрасно прошёл дуэт из оперы «Травиата» <...> Концерт закончился мастерски исполненным Коломийцевой «Соловьём» Алябьева, где колоратура артистки действительно больше напоминает соловья, чем человеческий голос».

Но не только этим запомнились артисты ульяновцам. Галина Дмитриевна Невзорова вспоминала: «Пока ещё были открыты некоторые церкви, они там пели. Это было какое-то волшебное пение. Народ стекался со всего города, всех вместить церковь не могла, и толпы стояли за оградой, а окна все были раскрыты. Отец поддался очарованию прекрасного голоса, он был покорён, как, впрочем, и все мы были восхищены и испытывали огромное удовольствие и даже удивление – ведь до сих пор мы не знали ничего подобного. Однажды мы все были приглашены на оперу Верди «Травиата». Виолетту исполняла А. Коломийцева. Впечатление потрясающее, незабываемое. А. Коломийцева была знакома с нами, приходила к нам. Эта удивительная певица, уже немолодая, не отличалась внешней красотой, но обладала внутренней духовностью, была необыкновенно проста в обращении и, конечно, очень обаятельна и женственна. Мы все преклонялись перед этим большим талантом и незаурядным человеком. Отец долгие годы переписывался с А. Коломийцевой».

Сохранилось несколько таких писем. В них Анна Алексеевна, ровесница Дмитрия Ивановича, как с добрым другом делится с ним своими радостями и горестями. В одном из писем она сообщает о смерти мужа, последовавшей 12 июля 1962 года: «Ещё два месяца тому назад он пел, и голос у него звучал так хорошо...».

Её последнее письмо датировано февралём 1974 года, оно совсем короткое: «Дорогой Дмитрий Иванович! Здравствуете. Как Ваше здоровье? Я надеюсь, что Вы хорошо себя чувствуете и работаете. Я себя чувствую плохо, думаю, что мы с Вами больше не увидимся. Я думаю, что я умру скоро, поэтому я решила Вам написать, чтоб проститься с Вами. Целую. Прощайте. А. Коломийцева».

Художник-самоучка

Большой интерес представляют письма театрального художника Николая Федоровича Митрофанова Д.И. Архангельскому. Н.Ф. Митрофанов с 1936 года работал в Ульяновском драматическом театре художником-исполнителем. Участник Великой Отечественной войны, демобилизовавшись по ранению, он возвратился на работу в театр уже в 1943 году. С 1949-го по 1959 год работал художником-постановщиком. Оформил самостоятельно более 50 спектаклей. С 1948 года член Союза художников СССР. Из писем следует, что в детстве Николай Фёдорович и его сестра учились у Д.И. Архангельского живописи: «Спасибо Вам за всё доброе, данное мне в моём радостном детстве. Ваша страстная любовь к искусству тогда крепко вошла в меня. Вы лично своим примером и своим талантом привили мне любовь к живописи; она живёт во мне неугасимо, неистощимо».

По совету Д.И. Архангельского Николай Фёдорович написал воспоминания о своей жизни. Воспоминания Н.Ф. Митрофанова «О театре», посвящённые своему учителю, помогают восстановить некоторые, весьма любопытные страницы его истории. Автор пишет, что о работе в театре он начал мечтать с 16-летнего возраста под впечатлением от спектаклей, оформленных художником К.П. Цыгвинцевым. Особенно восторг вызывали декорации, изображавшие природу. Недаром в свой бенефис Цыгвинцев избрал для оформления пьесу Е. Чичикова «Лесные тайны». Бенефис состоялся 10 марта 1928 года по случаю 30-летнего юбилея театральной деятельности К.П. Цыг-

винцева. «Это было поистине потрясающее зрелище. Дыхание природы и божественная её красота были настолько сильны, что зрители отблагодарили художника бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Оформление оперетт, выполненные Цыгвинцевым, отличались блеском красоты и изяществом рисунка. Они всегда бывали лёгкими, воздушными, вызывая чувство радости у зрителей» – вспоминает Николай Федорович.

Через 12 лет Митрофанов пишет заявление директору театра с просьбой принять его на должность помощника художника. Принят он был столяром, но с разрешением помогать художнику. «Многим я обязан моему товарищу Саше Козлову, крестьянскому парню, работавшему в это время в театре столяром (он погиб на войне). Он был в хороших отношениях с театральным художником Смирновым, которому и рассказал обо мне: о моей любви к живописи и желании работать в декорационном цехе». Именно Николай Петрович Смирнов позже помог с переводом Митрофанова в декорационную мастерскую.

В то время Н.П. Смирнов работал над оформлением пьесы «Коварство и любовь». Помогая Смирнову расписывать декорации к спектаклю, Николай Федорович находил время смотреть репетиции этой пьесы, с любопытством наблюдая за рождением спектакля: от чётки пьесы актёрами до последней репетиции. Он очень подробно описывает весь процесс, свои чувства, переживания. Митрофанов отмечает удачный подбор и безупречную игру артистов.

Первой самостоятельной работой Николая Фёдоровича была пьеса Н.В. Гоголя «Женитьба». Её оформление было поручено художнику главным режиссёром театра Борисом Ивановичем Борисовым. Митрофанов вспоминает о нём как о пресолиднейшем человеке с густым, мягким, грудным басом, что придавало ему ещё большую внешнюю важность. Он пользовался среди артистов непререкаемым авторитетом, они называли его сердцем театра.

Н.Ф. Митрофанов так рассказывает о своей работе над оформлением спектакля: «Сердце билось от радости: совсем недавно я был столяром, сегодня я делаю оформление на сцену нашего театра. Не верилось, но это было так. Когда декорации изготовили, я приступил к их росписи. Мне приходилось работать ночами, так как день был занят другими работами с художником Смирновым. С какой любовью и трепетом я расписыва-

Н.Ф. Митрофанов на этюдах. Октябрь 1969 года

вал гостиную, где должна была играть свою роль героиня пьесы, простодушная Агафья Тихоновна (артистка Воскресенская). Стены я сделал нежно-голубыми и нанёс на них орнамент в виде переплетающихся чайных роз. Мебель под снежно-белыми чехлами, на окнах тюлевые шторы, по полу дорожки, под столом ковер. Все дышало девической невинностью. <...> Прежде, чем окончательно перейти на должность художника-постановщика, я проработал 15 лет исполнителем, расписывая по эскизам декорации других художников. Это и было моей школой. За это время я расписал более 150 оформлений и за это же время я оформил 6-8 спектаклей. После такого большого пути я стал, наконец, художником-постановщиком, оформив за 10 лет более пятидесяти спектаклей».

Николай Фёдорович пишет, что в те времена он пережил много хороших минут, но ещё больше мучений и терзаний. Самым трудным для него был спектакль «Стакан воды» Э. Скриба. «Мне, сыну сапожника и столяра, самоучке нелегко было показать французское дворцовое оформление. Чтобы показать три картины, я сделал не менее шестидесяти эскизов».

В ответ на просьбу Д.И. Архангельского Николай Фёдорович пересылает ему театральные афиши оформленных им спектаклей: «Дорогой Дмитрий Иванович! Я очень доволен тем, что исполнил Вашу просьбу. Сколько раз я хотел сжечь эти афиши, и каждый раз не поднималась рука... Они очень хорошо сохранились. Среди них есть даже одна афиша «Без вины виноватые», где Кручинину играла Елена Николаевна Гоголева. Директор театра для подня-

тия сборов приглашал Гоголеву в Ульяновск в 1951 году на три спектакля. Это был праздник для наших актеров и ульяновских зрителей).

Афиши, которые теперь хранятся в собрании Ульяновского музея-мемориала В.И. Ленина, и составленный Н.Ф. Митрофановым список спектаклей, оформленных им, дают возможность составить представление о репертуаре театра тех лет.

«...Не каждому дано перенести»

В 1938 году в театре появился новый главный художник – Яков Васильевич Глинка. Впервые Митрофанов увидел его во дворе театра, в очереди за керосином, дефицитным в те годы товаром. Внешне он был похож на сектанта из белорусцев: в длинной из сурового полотна рубахе, в соломенном картузе и очках, с палочкой. Но это только внешне. Яков Васильевич был жив и словоохотлив, весел и остроумен, деликатен в обращении и внимателен ко всем. Позднее художники крепко подружились. Потянулись годы совместной работы. Яков Васильевич удивлял всех своей необычайной работоспособностью. Он любил петь во время работы, но вся его песня состояла из одной фразы: «А счастье было так возможно».

По натуре Яков Васильевич был оптимистом, и когда находился за кулисами среди артистов, недостатка в остроумном весёлом разговоре не было. Ничто не приводило его в уныние, а если и были у него в душе грустные мысли, он умел глубоко скрывать свою грусть от людей. Н. Митрофанов пишет: «От меня он не скрывал, кажется, ничего.<...> Как выяснилось из его же рассказов, Яков Васильевич был поме-

щиком, имел поместье, хозяйство. По словам его жены, только породистых дойных коров они имели до шестидесяти голов. Сам Яков Васильевич занимал пост в Государственной думе, или в секретариате Думы, что подтверждалось снимками из журналов «Нива» и «Искра». <...> Прожить больше половины своей жизни барином, «его высокородием», впитать в себя привычки барской жизни и очутиться пролетарием – это не каждому дано перенести. И всё же Яков Васильевич справился с таким нелёгким превращением».

За 12 лет работы в театре главным художником, а затем художником-постановщиком Я.В. Глинка оформил свыше 70 спектаклей. Среди них: «Гибель эскадры», «Горе от ума», «Ревизор», «Таланты и поклонники», «Ромео и Джульетта», «Собака на сене» и др.

Н. Митрофанов подробно описывает последний день жизни Якова Васильевича. 10 августа 1950 года им дали билеты на общегородское собрание работников искусств, проходившее в здании, где в настоящее время размещается музыкальное училище. Яков Васильевич сел около двери, ведущей на балкон, вскоре вышел туда, видимо, почувствовав себя плохо (у него было больное сердце). Когда Митрофанов последовал за ним, помочь ему уже ничем не смог...

На могилу Якова Васильевича была положена надгробная плита, которую Н.Ф. Митрофанов выполнил с ульяновским скульптором, первым председателем Ульяновской организации Союза художников РСФСР, Григорием Васильевичем Васильевым. Могила Я.В. Глинки с этим надгробием сохранилась на старом городском кладбище в его восточной части, недалеко от церкви.

Судьба Я.В. Глинки заинтересовала автора данной статьи и были предприняты попытки выявить о нём дополнительные сведения. В некрологе, опубликованном 13 августа 1950 года в газете «Ульяновская правда», говорилось о жизненном пути и творчестве покойного. «Свыше 30 лет своей трудовой жизни Я.В. Глинка отдал советскому театру. С первых дней советской власти Яков Васильевич оставляет юридическую службу и с присущей ему неутомимой энергией отдаётся любимому делу. Он руководит постройкой театральных помещений и домов просвещения в Украине, работает художником в Житомирском театре, совмещающая основную должность с работой помощника режиссёра, машиниста сцены, администратора театра. С 1920 года Я.В. Глинка работает ведущим худож-

ником в крупнейших городах Советского Союза – Москве, Ленинграде, Сталинграде, Киеве, Одессе, Новосибирске, Краснодаре, Алма-Ате, Севастополе, Воронеже. В течение последних двенадцати лет Яков Васильевич Глинка плодотворно работал в Ульяновском областном драматическом театре главным художником, а затем художником-постановщиком».

Лишь намёком в некрологе указывалось на характер дореволюционной деятельности покойного. Большого в то время сказать было просто нельзя. А между тем, в годы гражданской войны на совершенно новое для себя поприще театрального художника в уже весьма зрелом возрасте, почти пятидесяти лет от роду, вступил человек, в недавнем прошлом известный на всех ступенях государственной иерархии Российской империи. За плечами Я.В. Глинки к тому времени было 22 года «юридической службы». И служба эта протекала в высших государственных учреждениях России: сначала в аппарате Государственного совета, а затем, на протяжении 11 лет, – в Государственной думе, где он фактически возглавлял её рабочий аппарат – думскую канцелярию. В 1913 году он получил чин действительного статского советника. В апреле 1917 года Временным правительством Яков Васильевич был назначен сенатором. Октябрьская революция раз и навсегда поставила точку в его служебной карьере. А в разгар Гражданской войны начинается его, как он сам впоследствии говорил, «вторая жизнь», неразрывно связанная с театром.

Забота о своей семье, жене Елене Николаевне и четверых детях, становится главной для Якова Васильевича. Здесь игодились ему разнообразные трудовые навыки, приобретённые в благополучном прошлом. Его дальнейшую судьбу определил случай: попав простым землекопом на строительство Житомирского театра, Глинка уже не расстается с миром театра и становится театральным художником.

В штат Ульяновского драматического театра он был зачислен 21 августа 1938 года. Сюда же, в Ульяновск, пришло в 1942 году трагическое известие о том, что его сын, летчик-орденоносец, лейтенант Георгий Глинка «пропал без вести в воздушном бою с немецким фашизмом». В Ульяновске Яков Васильевич работал до 1950 года, до последнего своего дня, когда скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг.

Я.В. Глинка